

КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ ИНДИВИДУАЛИЗМА В РАМКАХ ТРИАДЫ: «ЗНАНИЯ – ЭНЕРГИЯ – НАПРАВЛЕННОСТЬ»

Борис Варисович САЛИХОВ

доктор экономических наук, профессор кафедры теории регионоведения,
Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ),
Москва, Российская Федерация
mgsusalikhov@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6123-9603>
SPIN-код: 3045-0730

История статьи:

Reg. № 283/2021
Получена 13.05.2021
Получена в
доработанном виде
27.05.2021
Одобрена 09.06.2021
Доступна онлайн
29.07.2021

УДК 330.34.014
JEL: B41

Ключевые слова:

синергетика и
спонтанный порядок,
креативная революция,
неявное знание, ложный
индивидуализм,
рационалистический
индивидуализм,
онтологический
индивидуализм

Аннотация

Предмет. Выявление качественной целостности и сравнительный анализ форм индивидуализма в рамках существующих и гипотетических экономических систем, основанных на различных институциональных и социокультурных парадигмах.

Цели. В рамках триады «знания – энергия – направленность» исследовать качественную определенность ложного, рационалистического и онтологического (проектная форма) индивидуализма; обосновать реалистичность перспектив методологического индивидуализма как научно-практической метафизики современной либеральной экономики в условиях, когда усиливаются коллективистские экономико-идеологические концепты.

Методология. Методологическим основанием исследования является логико-гносеологический, структурно-функциональный и сравнительный анализ действующей (в странах лидирующей группы) и альтернативной (в странах догоняющего развития) индивидуалистической парадигмы. Проведен контент-анализ современных источников, прежде всего отечественных.

Результаты. Общим итогом проведенного исследования является вывод о том, что креативная революция, призванная обеспечить расширенное воспроизводство масштабных и радикальных инноваций как функции неявных знаний, требует дальнейшей, именно созидательной направленности развития индивидуализма как критического источника спонтанной творчески-трудовой энергии свободной личности. Доказывается необходимость формирования онтологического индивидуализма, призванного обеспечить путь человека к самому себе, то есть к высшему, духовно-нравственному смыслу бытия. На уровне логико-гносеологического анализа обосновывается системный провал коллективистских, то есть псевдоиндивидуалистических, по сути, популистских и патерналистских моделей современного социально-экономического развития. Обосновано положение о том, что пандемия коронавируса, активизация глобальных проблем, а также общее нарастание сложности хозяйственных отношений не являются основанием для отказа от политэкономической индивидуалистической модели, несмотря на объективное усиление роли государства в современной экономике.

Выводы. Сделан вывод о необходимости существенного расширения спектра релевантных научных исследований и качественного обновления теоретических и специальных знаний о растущем значении индивидуализма в современном политэкономическом анализе.

Верифицируется вывод о том, что индивидуалистический концепт вполне может не только обеспечить ренессанс либеральной экономики, но и стать научно-практическим драйвером на пути создания ноосферной модели политэкономического развития национальных и региональных общественных систем.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2021

Для цитирования: Салихов Б.В. Компаративистский анализ моделей индивидуализма в рамках триады: «знания – энергия – направленность» // *Экономический анализ: теория и практика*. – 2021. – Т. 20, № 7. – С. 1256 – 1277.
<https://doi.org/10.24891/ea.20.7.1256>

Введение: исследовательский императив и научная гипотеза

Развитие мировой и особенно российской экономики после кризиса 2008–2009 гг., по сути, вступило в качественно новую фазу. Так называемая новая нормальность, как следствие затянувшихся структурных и институциональных проблем, стала предметом растущего исследовательского внимания ученых разных научных школ и направлений [1–4]. При этом действующая в странах с развитой конкурентной рыночной экономикой политэкономическая модель рационалистического индивидуализма уже давно считается «концом истории», не предполагающим существенных модификаций и преобразований в жестком ядре методологии. Однако названный кризис, а также негативный шлейф нарастающих глобальных проблем, катализатором которых стала пандемия коронавируса, привели не столько к усилению рецессии мировой и отечественной экономики, сколько угрожают превратиться в факторы ускоренной системной деструкции не только хозяйственных, но и в целом общественных отношений с непредсказуемыми последствиями для всей человеческой цивилизации.

В связи с этим появляется немало работ, в которых так или иначе обосновывается необходимость «ренессанса» государства и сильных» национальных властных элит как единственных, либо наиболее вероятных системных субъектов, способных решить существующие и грядущие задачи социально-экономического развития в ближайшие годы [3, 4]. Конечно же, пандемия ускорила созревание подобных настроений, что небезосновательно и представляется вполне резонным.

Отсюда в исследовательском пространстве возникают различные модели дальнейшего хозяйственного развития, где, в частности, говорится о маловероятности возврата к привычному порядку вещей, но при этом идет речь о реальной перспективе становления весьма опасного капитализма с ограниченной, или «нелиберальной» демократией.

Есть также перспектива распространения китайской модели с отсутствием высокоразвитых форм индивидуализма, но при гибкой взаимосвязи «невидимой руки» конкурентного рынка и «видимой руки» государственной бюрократии. Среди

«извилистых дорог будущего» весьма продуктивным представляется новый прагматизм в рамках инклюзивной глобализации, основанной прежде всего на сотрудничестве стран с социально ориентированной рыночной экономикой, что потребует соответствующей синергии рыночных сил и государственной политики, а также нового стиля международной координации [3].

В свете отмеченного отнюдь не кажущимся, а вполне реальным видится некоторый отход от позиций методологического индивидуализма в пользу методологического холизма и этатизма. Формирующийся теоретический и далее – научно-практический возврат к коллективистским формам организации экономической и всей социальной действительности не может не вызывать тревоги.

Суть проблемы заключается в том, что объективное нарастание сложности в рамках развивающейся социально-экономической действительности [5], катализируемое множеством экзогенных и плохо контролируемых факторов (например, пандемия коронавируса, глобальное потепление, деструкция природного капитала и др.), объективно требует мобилизации и одновременного ускоренного развития мощного, диверсифицированного и разнообразного креативного капитала, призванного расширенно воссоздавать радикальные, именно ноосферные (созидательные, гуманистически направленные) инновации. В то же время хорошо известно, что «первокирпичиками» такого креативного капитала являются именно индивиды, в головах которых только и могут зарождаться новейшие и уникальные неявные знания, как «когнитивный материал» будущих радикальных инноваций.

Как убедительно доказала практика, коллективистские, в том числе социалистические, модели общественного развития не способны к прорывному и масштабному расширенному воспроизводству инновационного национального креативного капитала, поскольку здесь нет по-настоящему свободных индивидов, действующих в рамках личностной креативно-интеллектуальной экологии (собственного творческого предназначения) [6].

Креативная революция, способная обуздать системную деструкцию экономики и природы, а также обеспечить достойную жизнь человеку и всей цивилизации, возможна только в рамках индивидуалистического концепта, но только при релевантной созидательной ценностно-смысловой направленности его реализации.

Ситуация, когда в ценностно-смысловых рамках индивидуализма каждый человек принимает решения и действует в соответствии со своими личными целями, конечно же, таит в себе угрозу анархии и возврата к «гоббсовским джунглям». В то же время это обстоятельство не должно быть принципиальным основанием для отказа от индивидуалистического концепта в пользу коллективистских моделей развития (известно, например, что индивидуалистический концепт противоречит существующему этатистскому, по сути, военно-мобилизационному менталитету наших соотечественников [7]). И если в рамках действующей

индивидуалистической парадигмы коллективное или социальное в силу определенных обстоятельств (например, в условиях пандемии коронавируса или по каким-либо другим причинам) становится выше индивидуального, а общественное и далее – государственное приобретает некий приоритет по отношению к личному, то это отнюдь не повод для скороспелых суждений о провале индивидуалистического концепта как такового, а лишь существенное основание для его более предметного исследования.

Цель статьи заключается в том, чтобы на основе и в результате сравнительного анализа моделей индивидуализма – ложного (в условиях авторитаризма и воинствующего этатизма), рационалистического (в системе позитивного «сущего») и онтологического (предполагаемого нормативного «должного») – предложить новый (онтологический и синергетический) примерный контур качественной целостности индивидуалистического концепта как такового.

Достижение цели предполагает:

- во-первых, конкретизацию методологического ракурса исследования, основанного на использовании креативного потенциала синергетического подхода к феномену индивидуализма;
- во-вторых, характеристику человеческого начала любой экономики как органического единства энергии и знания при определенной направленности их творчески-трудового использования;
- в-третьих, сравнительный анализ качественной определенности ложного (в условиях коллективистских моделей социально-экономического развития), рационалистического (действующего в современных странах лидирующей группы) и онтологического (гипотетической императивной формы как «системы проекта») индивидуализма;
- в-четвертых, обоснование реалистичности перспектив методологического индивидуализма как метафизического основания современной либеральной экономики в условиях, когда отнюдь небезосновательно усиливаются коллективистские тенденции и концепты в сфере поиска механизмов устойчивого социально-экономического развития [4, 8–10].

Следовательно, гипотеза исследования заключается в предположении, что онтологические основания методологического индивидуализма еще далеко не исследованы, и что их реализация в научно-образовательной и собственно хозяйственной действительности вполне может обеспечить «ренессанс» либеральной экономики, базирующейся на «индивидуализме истинном» (по Ф. Хайеку) [11].

Методологический ракурс исследования: сущностный анализ и императив доминанты синергетической парадигмы

Методология компаративистского анализа ложного, рационалистического, или действующего, а также онтологического, или проектного индивидуализма включает, как минимум, следующие аспекты.

Во-первых, с учетом интенсификации когнитивного и социально-экономического пространства, а также общего нарастания сложности фиксируется общий, существенно более расширительный подход к современной проблематике индивидуализма. Очевидно, что рамки данного подхода должны быть широкими настолько, насколько это может соответствовать многодисциплинарному концепту предполагаемого предметного поля. В этом случае даже известная и весьма продуктивная на новые идеи методология системной парадигмы, едва ли может претендовать на звание ключевого логико-гносеологического и научно-практического концепта [12, 13]. Здесь требуются, возможно, более эффективные и многоуровневые алгоритмы политэкономического анализа и в целом исследовательского поиска. Предположительно наиболее релевантными могут стать некоторые элементы синергетического подхода к проблематике индивидуализма [7].

Во-вторых, необходимо конкретизировать трактовку сущности индивидуализма как «вещи в себе», чтобы понять возможный инструментарий превращения индивидуализма одновременно в «вещь для себя» и в «вещь для социума». В перспективе это потребует нового прочтения и осмысления положений индивидуализма, содержащихся в работах исследователей-классиков, обосновывающих непреходящую роль и значение индивида как естественного «первокирпичика» и несущей конструкции всего конкурентного рыночного механизма, являющегося основанием экономической демократии. Особое место здесь занимают исследования Г. Беккера, Д. Бьюкенена, Д. Кейнса, М. Полани, Т. Стюарта, Ф. Хайека и многих других ученых, внесших фундаментальный вклад в теорию и практику методологического индивидуализма [6, 14–18].

В-третьих, в рамках диалектики и методологического потенциала сущности и явления представляется резонным предложить некоторые умозаключения относительно механизма («явленческих» форм, способов, инструментов, алгоритмов управления) становления нового качества индивидуалистической парадигмы, которая была бы действительным основанием соответствующих коллективистских форм, а не фактором научно-практического противостояния единичного и общего.

Как известно, современное социально-экономическое развитие характеризуется неуклонным и системным нарастанием сложности, о чем уже немало сказано в релевантной литературе [5, 19]. Растущее многообразие форм социальной материи, непрерывно углубляющаяся интенсификация их взаимосвязей, а также усиление тенденций стагнации, неустойчивости и даже деструкции в общей системе

общественных и хозяйственных отношений [20], давно вызвали к жизни императив синергетического подхода к политэкономическому и любому другому анализу социально-экономической и в целом общественной динамики [7]. Сама исследовательская практика стала все больше изнемогать от жестких рамок «лапласовского детерминизма», где все было просто и понятно, когда применялась матрица действующей каузальной парадигмы в рамках известной нормальной науки (по Т. Куну [21]). Если же какие-либо процессы не вписывались в существующий общепринятый концепт, то корень зла был, как объяснялось, не в действующей научной парадигме, а в недозревшем до ее высот объекте или предмете исследования, либо сама парадигма, применяемая «так или иначе», использовалась «как-то иначе, но не так».

Однако современная социально-экономическая динамика все более отходит от линейного, по сути, замкнутого восприятия и понимания мира хозяйственных явлений. Здесь давно замечена «угасающая производительность» ортодоксальных, монокаузальных и монодисциплинарных концептов, пытающихся объяснить нарастание сложности в системе человеческих взаимодействий. Другими словами, жесткий детерминизм и каузальность при всей их сохраняющейся значимости для политэкономического и любого другого анализа все чаще проваливается при рассмотрении не только глобальных, но и менее значимых проблем. Естественной реакцией на дисфункции действующих «матричных» парадигм становится появление качественно новых форм исследовательского мышления, все в большей степени тяготеющих к осознанию явления социально-экономического как открытой, нелинейной и неравновесной системы со всеми соответствующими атрибутами.

Поскольку ядром современной неоклассики по-прежнему является концепт методологического индивидуализма, потенциал которого, как предполагается, еще весьма далек от своего исчерпания, а критическим фактором современного воспроизводства является человеческий капитал, то именно человек как индивид не только остается протагоровской мерой всех вещей, но и становится автором нового качества как названных всех вещей, так и соответствующих параметров их создания, измерения и совершенствования. При этом резонно полагать, что методологический и научно-практический трансфер от действующей монетарно-плутократической формы методологического индивидуализма (с центром тяжести безудержного потребительства в рамках «бесполезной» экономики) в сторону созидательно-ноосферной его модели (с безусловным приоритетом творческого созидания и духовных смыслов в хозяйственной сфере) объективно требует существенного расширения и углубления исследовательского пространства в рамках общего индивидуалистического концепта.

Очевидно, что синергетическая исследовательская парадигма объективно нацеливает на использование креативного потенциала индивидуальной спонтанной активности. Известно, что само естество индивида, его стремление реализовать себя с наивысшей эффективностью предстает в качестве неиссякаемого источника

энергии познания и последующей производственной деятельности. Более того, фундаментальная позиция истинного индивидуализма состоит в смирении перед процессами, благодаря которым человечество достигло вещей, которых никто не замыслил и не понимал и которые действительно превосходят своей мощью индивидуальный разум [11], например, лидера нации, партии или регионального сообщества. Сила спонтанности индивидуальной активности есть результат открытости и непредсказуемости человека как сложного продукта природы и социума. Здесь спонтанная активность априори означает наличие множества «точек бифуркации», характеризующих «повороты» творчески-трудовой судьбы человека на бесконечном пути к наивысшей результативности многообразных форм его креативно-интеллектуальной самореализации. Как отмечал К.Г. Юнг, в жизни и деятельности человека всегда имеет место «смещение психических интенсивностей или ценностей от одного содержания к другому» [22].

Таким образом, утилитарный, рыночно-центрический и монетарно-плутократический, по сути, линейный подход к индивиду, ограниченно реализуемый в рамках действующего (хотя и высокоэффективного в финансово-экономическом, но не в гуманитарном и ценностно-смысловом ракурсе) индивидуалистического концепта, должен быть заменен на многодисциплинарный и синергетический подход к индивиду, как к открытой и неравновесной системе. Очевидно, что это обстоятельство требует нового прочтения и углубленного понимания индивидуализма как феномена и метафизического основания современной экономики. Но прежде необходимо выявить онтологию внутреннего содержания творчески-трудовой деятельности индивида, где существует органическое единство его знаний (компетенций), креативной энергии и направленности созидательной деятельности.

Знания, энергия и направленность индивида как метафизика его творчески-трудовой деятельности

Известно, что любая экономика есть в конечном счете функция мотивированного и целенаправленного взаимодействия человеческой энергии и знания. При этом человеческий капитал, включая его высшую, креативно-интеллектуальную форму, был и остается критическим, системообразующим, самодостаточным и интегральным фактором производства, о чем немало сказано в релевантной, прежде всего классической литературе [14, 17]. В частности, Дж. Кейнс отмечал, что «предпочтительнее рассматривать труд, включая, конечно, личные услуги предпринимателя и его помощников, как единственный фактор производства, действующий при наличии технологии, природных ресурсов, производственного оборудования и эффективного спроса» [15]. Это означает, что всякая попытка сколько-нибудь успешного решения растущего множества современных социально-экономических, технологических, управленческих и других хозяйственных проблем не может осуществляться за пределами, во-первых, существенного обновления

знаний и компетенций человека, обусловленных качеством научно-образовательной системы в широком смысле. Во-вторых, знания и компетенции всегда дисфункциональны, если они не «оплодотворены» расширенно воссоздаваемой творчески-трудо­вой энергией человека, основанной на соответствующем мотивационном капитале и действенных механизмах заинтересованности. В-третьих, единый функционал интеграции знаний и энергии всегда реализуется в рамках определенной направленности, обусловленной качеством ценностей и смыслов, которыми руководствуется конкретный субъект (индивидуальный и/или корпоративный собственник человеческого капитала), осуществляющий воспроизводственную деятельность.

В связи с этим резонно отметить, что все существующие, а также будущие проблемы в сфере производительного использования человеческого капитала индивида, нации и мирового сообщества, всегда будут иметь свои причины в рамках отмеченной триады: знания – энергия – направленность. Возможно, что именно в этом взаимосвязанном триединстве заключается императив становления новой качественной целостности современного человеческого капитала, призванного быть инновационным, созидательным и высокоэффективным производственным фактором, обеспечивающим индивиду достойную жизнь. При этом важно подчеркнуть, что каждый элемент отмеченной триады несет ответственность за свой участок в рамках общего социально-экономического развития. Знания и компетенции призваны обеспечить разработку масштабных, непрерывных и радикальных инноваций, конституирующих креативный и технологический прорыв («креативную революцию») в современной экономике. Творчески-трудо­вая энергия должна обеспечить скорость и эффективность реализации названных инноваций, то есть стать, по сути, драйвером реализуемых новых знаний и компетенций. Направленность использования творчески-трудо­вой энергии есть собственно качество объективации ценностей и смыслов как таковой деятельности человека; эта направленность есть функция социокультурного концепта, реализуемого в рамках того или иного сообщества индивидов.

Важно подчеркнуть глубокую взаимосвязь и требуемую когерентность всех элементов рассматриваемой триады, поскольку отдельные ее звенья могут либо катализировать, либо блокировать функциональное качество соответствующей целостности. В частности, гипертрофия знаний и компетенций без релевантного энергетического (мотивационного) обеспечения может привести к «кризису перепроизводства» человеческого капитала даже очень высокого качества, что весьма отчетливо проявляется в современной отечественной экономике [23, 24]. Верно и обратное: дефицит знаний и компетенций при избытке возможностей и наличии устойчивой мотивации приводит к экстенсивному типу воспроизводства, основанному на технологиях копирования, либо к созданию и развитию экономических симулякров как бесполезных сфер национального и регионального хозяйства, что в современной монетарно-либеральной экономике получило

огромное распространение [8, 25]. Эти же экономические симулякры как ответ на потребности прежде всего «праздного класса» (но не только), являются следствием определенной направленности ценностей и смыслов человека и социальных групп, а также функцией рентоориентированного экономического менталитета, все более нацеливающего людей не на творчески-трудоовое созидание, а на поиск «плохой» ренты [26, 27].

Очевидно, что обеспечить комплементарное развитие и когерентное взаимодействие знаний, энергии и направленности едва ли удастся централизованно и целиком в рамках некоего абстрактного сообщества, путем каких-либо планов и директив. Если учесть, что все новации рождаются в головах конкретных индивидов (и только так, а не иначе, даже если факту рождения новой идеи предшествует коллективный дискурс), то исследовательский центр тяжести в сфере поиска путей модернизации общества и экономики должен обнаруживаться в человеке как уникальном индивиде, поскольку именно индивид является единственным источником инновационного неявного (непередаваемого и передаваемого) знания как когнитивной основы не только креативной революции, но и качественного обновления самого себя [16, 28, 29].

В связи с этим, концепция органического сплава и системного функционала в форме единства знаний, энергии и направленности, должна фокусом своего предмета считать прежде всего индивида. Отсюда и проистекает императив нового прочтения и последующего качественного обновления концептуальных положений индивидуализма как целостного мировоззрения, метафизически и безусловно признающего субстанциальное значение явления индивидуального в современной экономике. При этом, напомним, всякое общее (коллективное, групповое, общественное) рассматривается лишь как форма совместного существования отдельных индивидов, не теряющих при этом своей индивидуальности, то есть открытости, уникальности и неповторимости [6, 11, 18].

Таким образом, с точки зрения индивидуалистического концепта открытость и уникальность индивида есть начальная предпосылка анализа его роли и значения в современной экономике, и если при формировании какого-либо плана социально-экономических и иных преобразований игнорируются интересы каждого участника предполагаемых взаимодействий, то вся конструкция изначально обречена на стратегическую неудачу. Современная актуализация междисциплинарного понимания индивидуалистического концепта свидетельствует лишь о начале пути к наиболее полному осмыслению творчески-трудоового и созидательного потенциала каждой личности. При этом известными и важнейшими ценностями индивидуалистической культуры являются свобода человека в мыслях, убеждениях и поступках, а также его самостоятельность в выводах и результатах оценки любой жизненной ситуации и т.д. Именно это и позволяет индивиду чувствовать себя комфортно, отличаться от других людей, быть независимым и обладать полноценным (одновременно синергетическим и каузальным) мышлением [30]. При

этом собственно в экономической жизни индивидуализм воплотился в учение о полной свободе конкуренции и о невмешательстве государства¹.

Однако единство знаний, мотивов и направленности индивида может иметь место в различных институциональных системах: в авторитарных и демократических, а также в конструируемых новых политэкономических моделях. В связи с этим резонно выделять ложный (видимость индивидуализма), рационалистический (одна из явленческих форм бытия индивидуализма), онтологический (новое проявление гегелевской «истины бытия» [31], то есть сущности индивидуализма).

Качественная определенность ложного, рационалистического и онтологического индивидуализма

Сущность ложного индивидуализма заключается в декларациях о свободе личности при отсутствии реальных условий для ее действительного осуществления. Это имеет место в социально-экономических системах, основанных на экстрактивных институтах, где представителям деспотического Левиафана сверху всегда виднее, что необходимо индивидам и обществу в целом. Ложность индивидуализма в том и состоит, что в авторитарных и тоталитарных системах индивид всегда растворен в государстве и практически теряет свой личностный суверенитет. Здесь в условиях господства частной бюрократической власти-собственности все рассуждения о высокой эффективности творчески-трудовой реализации креативного потенциала каждого человека изначально носят не только мифический, но и циничный характер.

Очевидно, что в рамках ложного, именно коллективистского индивидуализма прогрессивной может быть лишь декларируемая направленность (например, построение коммунизма или какого-либо другого справедливого общества), однако в рамках априори закрепощенной энергии и объективно неполного, урезанного знания людей. Такая направленность является лишь формой без содержания, видимостью и фикцией, с самого начала обреченной на системный провал (отечественная история это продемонстрировала весьма недвусмысленно). Доказано жизнью, что по мере усиления организованного руководства разнообразие уступает место единообразию. Такова цена планируемого общества и авторитарной организации человеческих дел [18].

Действующий в современной экономике рационалистический индивидуализм резонно трактовать как такую его форму, в рамках которой наиболее полно проявляется спонтанная активность индивида, характеризующаяся мощной энергией свободной воли и широким спектром новейших знаний, однако реализуемых в узких рамках экономического рационализма и монетарной формы неолиберализма (монетарной плутократии). Другими словами, при высоком уровне энергетического и когнитивного капитала здесь отнюдь не всегда реализуется созидательная

¹ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Современная версия. М.: Эксмо, 2005. 672 с.

социокультурная или ценностно-смысловая форма его движения. В данном случае имеет место «богатое» содержание, подпитываемое свободой выбора и конкуренцией, но отсутствует направленная форма, релевантная императивам созидания, справедливости и гуманизма.

В условиях рационалистического индивидуализма действуют инклюзивные институты, представительная демократия, свобода выбора, реальная защита прав собственности, равновесие в производстве и потреблении, но не реализуется императив ноосферности и созидательности в процессе и результате творчески-трудовой деятельности индивида. Здесь отсутствуют «гоббсовские джунгли», но присутствуют ценностно-смысловые провалы, детерминирующие вывод о том, что лечить надо не экономику, а лечить надо цивилизацию в целом. Для этого предстоит изменить саму природу человека. Новый человек должен быть носителем новой морали, основанной на принципах ответственности перед будущим и благоговения перед жизнью [25]. Тем не менее критически важным для рационалистического индивидуализма является признание индивида верховным судьей его собственных намерений и убеждений, признание, что деятельность индивида насколько это возможно должна определяться его склонностями, и составляет существо индивидуалистической позиции [18].

Возможно, качественно новый, именно онтологический (истинный) индивидуализм следует рассматривать как «систему проекта», как некое комплексное «должное», призванное, с одной стороны, существенно дополнить функционирующую политэкономическую модель рационалистического индивидуализма, а с другой стороны, внести в нее определенную ценностно-смысловую, возможно, иррациональную (в строго экономическом контексте) ясность.

Суть данного иррационализма в том, что обеспечение требуемой именно духовно-нравственной, ноосферной направленности использования энергии и знаний индивида может далеко не всегда соответствовать его рационалистическим представлениям об известном равновесии в производстве и потреблении. Очевидно, что в условиях приоритета созидательных ценностей и смыслов социально-экономического развития вполне может иметь место неравновесие в известном неоклассическом смысле. Более того, обеспечение духовно-нравственного вектора реализации индивидуалистического концепта или формирование ноосферного равновесия в сфере созидательной направленности деятельности индивида может изначально, причем сознательно, предполагать данное неравновесие именно с точки зрения традиционной неоклассики (например, предельные издержки могут быть выше рыночной цены при создании продукта, основанного на воспроизводимых ресурсах и др.).

Теперь с учетом императива созидательной направленности использования индивидом знаний и творчески-трудовой энергии можно обозначить общий характер «трансфера» индивидуалистической парадигмы: от действующего

рационалистического псевдоиндивидуализма – к иррациональному (в строго экономическом, а не духовно-нравственном смысле), но истинному индивидуализму. Однако в данном аспекте истинный индивидуализм отнюдь не является чем-то экзогенным по отношению к каждому конкретному индивиду. Может сложиться обманчивое представление, что «кто-то сверху» или «сбоку» принесет истинно разумное начало, характеризующее духовно-нравственное, ноосферное качество направленности творчески-трудовой деятельности индивида. Не отрицая такого внешнего позитива, следует однако подчеркнуть, что созидательный вектор объективации энергии и знаний индивида есть прежде всего функция его эндогенных, сущностных характеристик и качеств, для более решительного и безальтернативного проявления которых наступило время.

Подчеркнем, качественная определенность онтологического индивидуализма заключается в императиве и специфике проявления, имманентных самой природе человека, внутренних, именно созидательных сил и интенций, реализация которых в современных условиях выходит на первый план.

Другими словами, актуализированный императив экономической духовности творчески-трудовой деятельности индивида есть имманентность его современного бытия, есть путь индивида к самому себе, способному либо неспособному обеспечить достойную жизнь себе, а также достойное бытие окружающему миру, всей живой и неживой природе. Очевидно, что решение этой задачи никак не вписывается в узкие рамки неоклассического рационализма. В частности, едва ли можно рассчитывать на краткосрочную прибыль и равновесие в производстве, если, например, инвестировать в восстановление изношенного природного капитала; здесь ожидаемый ноосферный результат может потребовать не минимизации, а максимизации затрат. Кроме того, «креативная революция» требует массивных инвестиций в сектор фундаментального неявного знания, причем не только со стороны государства, но и крупных самообучающихся корпораций, где в течение длительного интервала времени вообще может не быть прибыли (здесь имеет место феномен максимизации затрат даже без минимального ожидаемого результата, хотя, как известно, отсутствие положительного эффекта тоже есть определенный результат, имеющий значение для последующих творческих решений). Общий сравнительный анализ ложного, рационалистического и онтологического индивидуализма представлен в *табл. 1*.

Отметим, что ложность индивидуализма авторитарных систем не означает такой же ложности коллективизма демократических политэкономических моделей развития. Если в авторитарных системах с господством экстрактивных институтов «сверху» индивид «растворяется» в государстве, то в условиях рационалистической и тем более онтологической политэкономической модели не только конституируется наиболее полное развитие феномена общественного, но и само явление индивидуального становится все более дисперсным в своих бытийных формах. Другими словами, важно с самого начала опровергнуть наиболее нелепое из

распространенных недоразумений – убеждение, что индивидуализм постулирует существование обособленных и самодостаточных индивидов... вместо того, чтобы начинать с людей, чья природа и характер целиком обусловлены их бытием в обществе [15].

Отсюда ключевая задача заключается в выявлении и характеристике сцепки индивида и общества, что и являет собой сущность индивидуализма истинного, являющегося предметом самостоятельного исследования.

Заключение

Результаты анализа индивидуализма в триаде «знания – энергия – направленность» позволяют утверждать, что в рамках каждой из соответствующих его форм (ложного, рационалистического и онтологического) действуют конкретные индивиды как обладатели своих человеческих капиталов. При этом уровень и качество знаний и компетенций (первый элемент триады) могут быть весьма высокими при любых формах индивидуализма (это убедительно доказывает отечественный опыт когнитивного и социально-экономического развития). Однако мотивационный капитал как сгусток реализуемой творчески-трудовой энергии (второй элемент триады) имеет место только в институциональных системах инклюзивного типа, то есть в странах рационалистического индивидуализма, где существует надежная защита прав собственности и институты формируются «снизу». Здесь, однако, отсутствует выраженная созидательная направленности использования огромного креативного потенциала индивидуализма, что и предопределяет императив формирования духовно-нравственного, гуманистического вектора (третий элемент триады) реализации креативного капитала каждого индивида. Следовательно, задача онтологического или сущностного, хотя и проектного, индивидуализма состоит не столько в мобилизации творчески-трудовой энергии индивидов, сколько в обеспечении прогрессивной направленности ее использования, что и предопределяет актуализацию социокультурных факторов современного хозяйственного развития. Очевидно, что глубинные созидательные «мощности» индивидуализма, применительно к странам и регионам мира, будут иметь разные механизмы проявления; при этом акселератором этих механизмов, несомненно, станут геосоциальные особенности стран и их региональные цивилизационные идентичности.

Важно подчеркнуть, что теоретико-методологическое и, следовательно, научно-практическое будущее индивидуалистического концепта возможно лишь в том случае, если будет работать и расширенно воссоздаваться взаимосвязь индивида (личности) как «свернувшегося» общества и социума (общества) как «развернутой» личности (индивида). Ключевое положение и утверждение индивидуализма заключается в том, что нет другого пути к объяснению социальных феноменов, кроме как через наше понимание индивидуальных действий, обращенных на других

людей и исходящих из их ожидаемого поведения. Этот аргумент нацелен прежде всего против собственно коллективистских теорий общества, которые претендуют на способность непосредственно постигать социальные целостности как сущности особого рода, обладающие бытием независимо от составляющих их индивидов [11].

Одновременно с этим всякое коллективное и/или общественное является истинным и потенциально продуктивным лишь в том случае и постольку, когда и поскольку оно есть сгусток интересов и целей, мотивов и волевых усилий всех отдельных индивидов, составляющих реальное основание синергии социальной реальности. Если не индивиды «снизу», а чья-то воля и решение «сверху» формирует те или иные общности, выдавая их за естественный продукт человеческих взаимодействий, то с точки зрения индивидуалистического концепта, основанного на действительной свободе каждой личности, истинного коллективизма здесь не возникает по определению. Другими словами, как таковые социальные целостности, не основанные на индивидуальных интересах, есть социальные фикции, лишь прикрывающие, а, по сути, предопределяющие дорогу к закреплению индивида, размыванию и в конечном счете ликвидации его персонального суверенитета, то есть к уничтожению его уникальной космической индивидуальности.

Таким образом, можно считать вполне верифицированным (на логико-гносеологическом уровне анализа) положение о том, что онтологические основы методологического индивидуализма еще далеко не раскрыли своих исследовательских тайн и что проявление «истины бытия» как такового индивидуалистического концепта вполне может не только обеспечить «ренессанс» либеральной экономики, но и стать научно-практическим драйвером на пути создания ноосферной модели политэкономического развития национальных и региональных общественных систем. В связи с этим резонно подчеркнуть, что пандемия коронавируса, активизация глобальных проблем, а также общее нарастание сложности хозяйственных отношений не являются основанием для отхода от политэкономической индивидуалистической модели, несмотря на естественное усиление роли государства в современной экономике.

Таблица 1**Сравнительный анализ ложного, рационалистического и онтологического индивидуализма в парадигме алгоритма «энергия – знания – направленность»****Table 1****A comparative analysis of false, rationalistic, and ontological individualism in the paradigm of Energy–Knowledge–Orientation algorithm**

Качество индивидуализма	Полнота использования творчески-трудовой энергии	Качество воссоздаваемых знаний и компетенций	Качество общей направленности использования энергии и знаний
Ложный: индивид «растворен» в государстве и не обладает личностным суверенитетом	Энергия находится в жестких рамках идеологии и политики государства как деспотического Левиафана	Знания и компетенции воссоздаются в рамках реализации интересов государства	Декларируется, но не реализуется мифология построения прогрессивного и свободного общества
Рационалистический: индивид как «вещь в себе», реально свободен и имеет полную возможность реализовать свой творчески-трудовой потенциал	Энергия полностью раскрепощена в условиях открытости и спонтанности действия реально свободного индивида	Знания и компетенции производятся и используются в рамках сигналов конкурентного рынка	Направленность не имеет четкого вектора, поскольку рационально то, что способствует получению большей прибыли
Онтологический: индивид как «вещь в себе» и «вещь для общества», реально свободен и реализует свой потенциал для истинного развития и саморазвития	Энергия полностью раскрепощена и расширенно воссоздается в условиях осознания человеком императива пути «к самому себе»	Знания и компетенции тестируются на предмет соответствия истинному предназначению человека	Направленность использования энергии и нового знания имеет выраженное креативно-интеллектуальное качество

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Список литературы

1. Григорьев Л.М., Павлюшина В.А., Музыченко Е.Э. Падение в мировую рецессию 2020 // Вопросы экономики. 2020. № 5. С. 5–25.
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-5-5-24>
2. Ершов М.В. Мир в 2020 году: новые проблемы обнажают системные изменения в экономике // Вопросы экономики. 2020. № 12. С. 5–23.
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-12-5-23>
3. Колодко Гж.В. Последствия. Экономика и политика в постпандемическом мире // Вопросы экономики. 2020. № 5. С. 25–44.
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-5-25-44>
4. Мау В.А. Пандемия коронавируса и тренды экономической политики // Вопросы экономики. 2021. № 3. С. 5–31.
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-3-5-30>
5. Любимов Л.И., Оспанова А.Г. Как сделать экономику сложнее? Поиск причин усложнения // Вопросы экономики. 2019. № 2. С. 36–53.
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-2-36-53>
6. Бьюкенен Дж.М. Сочинения. М.: Таурус Альфа, 1997. 560 с.
7. Асланов Л.А. Менталитет и власть. Русская цивилизация. Кн. 1. М.: ТЕИС, 2009. 557 с.
8. Бузгалин А.В. Закат неолиберализма (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы экономики. 2018. № 2. С. 122–141.
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-2-122-141>
9. Полтерович В.М. Кризис институтов политической конкуренции, интернет и коллаборативная демократия // Вопросы экономики. 2021. № 1. С. 52–73.
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-1-52-72>
10. Тамбовцев В.Л. Возможна ли единая институциональная экономическая теория? // Вопросы экономики. 2021. № 1. С. 33–52.
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-1-33-51>
11. Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф, 2000. 256 с.
12. Клейнер Г.Б. Системный ресурс экономики // Вопросы экономики. 2011. № 1. С. 89–101. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2011-1-89-100>
13. Корнаи Я. Системная парадигма // Вопросы экономики. 2002. № 4. С. 4–23.

14. *Беккер Г.С.* Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 672 с.
15. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. М.: Гелиос АРВ, 2002. 352 с.
16. *Полани М.* Личностное знание. М.: Книга по требованию, 2013. 342 с.
17. *Стюарт Т.А.* Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организации. М.: Поколение, 2007. 368 с.
18. *Хайек Ф.А.* Дорога к рабству. М.: Астрель, 2010. 317 с.
19. *Тамбовцев В.Л.* Нарративный анализ в экономической теории как восхождение к сложности // Вопросы экономики. 2020. № 4. С. 5–31.
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-4-5-30>
20. *Капелюшников Р.И.* Идея «вековой стагнации»: три версии // Вопросы экономики. 2015. № 5. С. 104–133.
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-5-104-133>
21. *Кун Т.С.* Структура научных революций. М.: АСТ, 2009. 317 с.
22. *Юнг К.Г.* Об энергетике души. М.: Академический проект, 2010. 280 с.
23. *Гимпельсон В.Е.* Нужен ли российской экономике человеческий капитал? Десять сомнений // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 129–143.
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-10-129-143>
24. *Натхов Т.В., Полищук Л.И.* Инженеры или юристы? Институты и спрос на высшее образование // Вопросы экономики. 2012. № 10. С. 30–51. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-10-30-51>
25. *Данилов-Данильян В.* Глобальный кризис как следствие структурных сдвигов в экономике // Вопросы экономики. 2009. № 7. С. 31–41.
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2009-7-31-41>
26. *Веблен Т.* Теория праздного класса. М.: Либроком, 2011. 368 с.
27. *Левин М., Сатаров Г.* Рентоориентированная Россия // Вопросы экономики. 2014. № 1. С. 61–78. URL: <https://institutiones.com/general/2315-rentoorientirovannaya-rossiya.html>
28. *Салихов Б.В., Салихова И.С., Олигова М.Б.* Когнитивная структура поведенческой экономики и императивы повышения качества неявного знания // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 12. С. 55–71.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-struktura-povedencheskoj-ekonomiki-i-imperativy-povysheniya-kachestva-neyavnogo-znaniya/viewer>

29. Друкер П., Гарвин Д., Аргирис К. и др. Управление знаниями. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. 208 с.

30. Цаплин В.С. Разумное, но не мыслящее. М.: Крафт+, 2009. 352 с.

31. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 2. М.: Мысль, 1971. 248 с.

Информация о конфликте интересов

Я, автор данной статьи, со всей ответственностью заявляю о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

A COMPARATIVE ANALYSIS OF MODELS OF INDIVIDUALISM WITHIN THE KNOWLEDGE–ENERGY–ORIENTATION TRIAD

Boris V. SALIKHOV

Moscow State Linguistic University (MSLU),
Moscow, Russian Federation
mgsusalikhov@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6123-9603>

Article history:

Article No. 283/2021
Received 13 May 2021
Received in revised form
27 May 2021
Accepted 9 June 2021
Available online
29 July 2021

JEL classification: B41

Keywords: synergies,
spontaneous order,
creative revolution,
implicit knowledge,
false individualism

Abstract

Subject. The article is devoted to the actualization of individualism as a natural ontology of the modern liberal economy.

Objectives. The aim is to explore the possibility of realizing the real potential of the paradigm of individualism, which may have various forms of manifestation, and is positioning itself as a new, qualitatively integral and productive "being".

Methods. The methodological perspective and disciplinary matrix of the study are based on the use of creative potential of the dialectic of "essence and phenomenon", as well as possibilities of logical and epistemological analysis of modern functional models of socio-economic development. The study also employs the content analysis of modern domestic and foreign sources.

Results. The paper unveils that it is possible to verify the controversial judgment about the obsolescence of the neoliberal paradigm of methodological individualism, where it is necessary to distinguish the dysfunctional monetary-plutocratic form of individualism from the essence of individualism as such, which includes the far from realized creative potential of a possible new "being". An approximate outline of a new qualitative integrity of the individualistic concept is formed, where the spiritual-moral and value-semantic attractor becomes the "center of gravity".

Conclusions. At present, individualism, as a natural ontology of modern liberal economy, needs to be significantly updated. The scientific and practical importance of the article's provisions is an attempt to continue the discussion in the search for the most effective models of socio-economic development, to concretize the phenomenology of methodological individualism as an ontology of modern political economic analysis.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2021

Please cite this article as: Salikhov B.V. A Comparative Analysis of Models of Individualism within the Knowledge–Energy–Orientation Triad. *Economic Analysis: Theory and Practice*, 2021, vol. 20, iss. 7, pp. 1256–1277.
<https://doi.org/10.24891/ea.20.7.1256>

References

1. Grigor'ev L.M., Pavlyushina V.A., Muzychenko E.E. [The fall into 2020 recession...]. *Voprosy Ekonomiki*, 2020, no. 5, pp. 5–25. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-5-5-24>

2. Ershov M.V. [The world in 2020: New challenges expose systemic changes in the economy]. *Voprosy Ekonomiki*, 2020, no. 12, pp. 5–23. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-12-5-23>
3. Kolodko G.V. [After. Economics and politics of the post-pandemic world]. *Voprosy Ekonomiki*, 2020, no. 5, pp. 25–44. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-5-25-44>
4. Mau V.A. [Coronavirus pandemic and trends of economic policy]. *Voprosy Ekonomiki*, 2021, no. 3, pp. 5–31. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-3-5-30>
5. Lyubimov L.I., Ospanova A.G. [How to make an economy more complex? The determinants of complexity in historical perspective]. *Voprosy Ekonomiki*, 2019, no. 2, pp. 36–53. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-2-36-53>
6. Buchanan J.M.Jr. *Sochineniya* [Writings]. Moscow, Taurus Al'fa Publ., 1997, 560 p.
7. Aslanov L.A. *Mentalitet i vlast'. Russkaya tsivilizatsiya* [Mindset and power. Russian civilization]. Book 1. Moscow, TEIS Publ., 2009, 557 p.
8. Buzgalin A.V. [The decline of neo-liberalism (to the 200th birth anniversary of Karl Marx)]. *Voprosy Ekonomiki*, 2018, no. 2, pp. 122–141. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-2-122-141>
9. Polterovich V.M. [Crisis of institutions of political competition, Internet and collaborative democracy]. *Voprosy Ekonomiki*, 2021, no. 1, pp. 52–73. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-1-52-72>
10. Tambovtsev V.L. [Is unified institutional economics possible?]. *Voprosy Ekonomiki*, 2021, no. 1, pp. 33–52. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-1-33-51>
11. Hayek F.A. *Individualizm i ekonomicheskii poryadok* [Individualism and Economic Order]. Moscow, Izograf Publ., 2000, 256 p.
12. Kleiner G.B. [System Resource of Economy]. *Voprosy Ekonomiki*, 2011, no. 1, pp. 89–101. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2011-1-89-100>
13. Kornai J. [The System Paradigm]. *Voprosy Ekonomiki*, 2002, no. 4, pp. 4–23. (In Russ.)
14. Becker G.S. *Chelovecheskoe povedenie: ekonomicheskii podkhod. Izbrannye trudy po ekonomicheskoi teorii* [The Economic Approach to Human Behavior]. Moscow, SU HSE Publ., 2003, 672 p.

15. Keynes J.M. *Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg* [The General Theory of Employment, Interest and Money]. Moscow, Gelios ARV Publ., 2002, 352 p.
16. Polanyi M. *Lichnostnoe znanie* [Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy]. Moscow, Kniga po trebovaniyu Publ., 2013, 342 p.
17. Stewart T.A. *Intellektual'nyi kapital. Novyi istochnik bogatstva organizatsii* [Intellectual Capital: The New Wealth of Organization]. Moscow, Pokolenie Publ., 2007, 368 p.
18. Hayek F.A. *Doroga k rabstvu* [The Road to Serfdom]. Moscow, Astrel' Publ., 2010, 317 p.
19. Tambovtsev V.L. [Narrative analysis in economics as climbing complexity]. *Voprosy Ekonomiki*, 2020, no. 4, pp. 5–31. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-4-5-30>
20. Kapelyushnikov R.I. [The idea of secular stagnation: Three Versions]. *Voprosy Ekonomiki*, 2015, no. 5, pp. 104–133. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-5-104-133>
21. Kuhn T.S. *Struktura nauchnykh revolyutsii* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow, AST Publ., 2009, 317 p.
22. Jung C.G. *Ob energetike dushi* [The Earth has a Soul]. Moscow, Akademicheskii proekt, 2010, 280 p.
23. Gimpel'son V.E. [Does the Russian economy need human capital? Ten doubt]. *Voprosy Ekonomiki*, 2016, no. 10, pp. 129–143. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-10-129-143>
24. Natkhov T.V., Polishchuk L.I. [Engineers or Lawyers? Institutions and Demand for Higher Education]. *Voprosy Ekonomiki*, 2012, no. 10, pp. 30–51. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-10-30-51>
25. Danilov-Danil'yan V. [Global Crisis as a Consequence of Structural Changes in Economy]. *Voprosy Ekonomiki*, 2009, no. 7, pp. 31–41. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2009-7-31-41>
26. Veblen T. *Teoriya prazdnogo klassa* [The Theory of the Leisure Class]. Moscow, Librokom Publ., 2011, 368 p.
27. Levin M., Satarov G. [Rent-seeking Russia]. *Voprosy Ekonomiki*, 2014, no. 1, pp. 61–77. URL: <https://institutiones.com/general/2315-rentoorientirovannaya-rossiya.html> (In Russ.)

28. Salikhov B.V., Salikhova I.S., Oligova M.B. [Cognitive structure of behavioral economics and imperatives of improving the quality of tacit knowledge]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2016, no. 12, pp. 55–71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-struktura-povedencheskoy-ekonomiki-i-imperativy-povysheniya-kachestva-neyavnogo-znaniya/viewer> (In Russ.)
29. Drucker P., Garvin D., Argyris C. et al. *Upravlenie znaniyami* [Knowledge Management]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 2006, 208 p.
30. Tsaplin V.S. *Razumnoe, no ne myslyashchee* [Reasonable, but not thinking]. Moscow, Kraft+ Publ., 2009, 352 p.
31. Hegel G.W.F. *Nauka logiki* [Wissenschaft der Logik]. Vol. 2. Moscow, Mysl' Publ., 1971, 248 p.

Conflict-of-interest notification

I, the author of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.